

АНДРЕЙ

РОММ

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

ФОРТУНА ЛЮБИТ ОТВАЖНЫХ!

АНДРЕЙ РОММ

Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма

Андрей Ромм

Черно-белый сад

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Ромм А.

Черно-белый сад / А. Ромм — «Автор», 2016 — (Колесо фортуны. Романы Андрея Ромма)

ISBN 978-5-699-88485-8

С юных лет художнице Катерине снится черно-белый сад, где ветки вместо листьев усеяны мотыльками. И наяву жизнь все больше черно-белая – уж слишком Катерина легковверная и невезучая: и мужчины ее бросают, и без денег она остается, даже в уголовное дело умудряется влипнуть... Что же сделать, чтобы мотыльки проснулись и улетели наконец на свободу, а сон и жизнь обрели краски?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-699-88485-8

© Ромм А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Москва, октябрь 2014 года	6
2. Блог Кати Ютровской, 1 апреля 2002 года	13
3. Москва, июнь 2003 года	16
4. Блог Кати Ютровской, 5 апреля 2002 года	21
5. Москва, ноябрь – декабрь 2003 года	24
6. Блог Кати Ютровской, 21 апреля 2002 года	28
7. Москва, декабрь 2003 года	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Ромм

Черно-белый сад

*Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул.
И если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом. Покинул.*
Иосиф Бродский, «Я обнял эти плечи и взглянул...»

© Ромм А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1. Москва, октябрь 2014 года

– Гражданка Ютровская, вы допрашиваетесь в качестве подозреваемой...

Как и положено творческой личности, Катерина ценила новые впечатления, жадно собирала их в свою копилку, ведь никогда не знаешь, что может вырасти из одного малюсенького впечатления, но из любых правил бывают исключения. Допросов она предпочла бы избежать. Ну их!

Следователь был молод, на вид больше тридцати не дашь. Катерина где-то читала, что молодые следователи – самые опасные. Они энергичны и хватки, им надо делать карьеру, раскрывать как можно больше преступлений, поэтому если уж они вцепятся, то не отпустят, доведут до суда. Пожилые следователи, которым до пенсии осталось чуть-чуть с небольшим, гораздо предпочтительнее, снисходительнее, мягче.

– ...по части четвертой статьи сто пятьдесят девятой Уголовного кодекса Российской Федерации...

На щеках следователя играл карминовый румянец. Румяные щеки – показатель хорошего здоровья. Катерина подумала, что если следователя переодеть из унылого серого костюма во что-нибудь поярче, усадить вполоборота возле окна, так, чтобы светом слегка заострить черты его лица, да добавить лазури осеннему небу и убрать с окна решетку, то может получиться очень даже неплохой портрет. Следователям положено быть терпеливыми, значит, позировать он будет хорошо... Вообще-то Катерина не любила писать портреты. Даже шутила, что там, где начинается портретист, кончается художник. Доля правды в этой шутке была, и довольно значительная. Портреты в основном пишутся на заказ, а ни один заказчик не обойдется без просьб и замечаний. «Вот здесь хорошо бы подправить, а то как-то я не очень выгляжу...» Скрещивать ежей с ужами, то есть свое видение с пожеланиями заказчика, трудно, порой даже больно, но приходится переступать через себя. Хозяин – барин. Гораздо лучше писать пейзажи. «Мне бы хотелось поле, речку и чтобы вдаль на холме березовая роща...» – вот это совсем другое дело. Никто не станет считать березки и просить сделать вот эту поужу, а вот ту пошире. Хуже портретов могут быть только абстракции. От заказов типа «мне бы что-то абстрактное» Катерина отказывалась сразу и наотрез, потому что «попасть в колер» с такими заказами невозможно. На собственном горьком опыте убедилась.

– ...Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере...

Стены кабинета следователя были выкрашены в светло-зеленый, вердепомовый цвет, цвет незрелых яблок. Названия оттенков зеленого цвета нравились Катерине больше прочих. Невероятное поэтическое разнообразие – бильярдного сукна, вердигри, гусяного помета (правда, чаще говорят мердуа – так гламурнее), драконья зелень, мурава, селадон... Холодные цвета расширяют пространство и создают ощущение прохлады, но сейчас Катерине казалось, что она сидит в тесной-претесной и очень душной каморке. Это нервное. Она с детства задыхалась от волнения. К каким только врачам мама ее не водила, пока один дедушка, очень похожий на Айболита, не установил причину. А то ведь чуть в астматички не записали. Тогда бы она осталась без профессии, без своей единственной любимой, единственной из всех возможных, профессии. Астматикам не рекомендуется иметь дело с красками и лаками. Спасибо тебе, добрый доктор Айболит! И тут же в голове юркой мышкой мелькнула мысль о том, что если бы она не стала художницей, то не сидела бы сейчас перед следователем и не слышала бы этих ужасных слов. Слов, камнями падающих на голову.

– ...наказывается лишением свободы на срок до десяти лет...

– До десяти? – нервно сглотнув, переспросила Катерина.

– До десяти, – повторил следователь.

Десять лет! Десять лет будут вычеркнуты из жизни! Ей только что, в июле, исполнилось тридцать! В свой юбилейный день рождения она подвела итоги и была вынуждена признать их неудовлетворительными. Другие к этому возрасту уже успели многого добиться. Маша Пономарская выставляется в Гамбурге, Копенгагене и еще много где. Картины ее идут нарасхват, заказов выше крыши, раз в месяц где-нибудь всплывает интервью с Машей. У Маши яркая насыщенная жизнь. Инна Пытелько открыла собственную дизайнерскую студию и тоже не бедствует. Славик Филиппов – доцент в Сурике...¹ Справедливости ради, Катерина брала для сравнения тех, кто добился всего сам, без клановых связей и папиного кошелька. У нее в активе было только несколько удачно проданных картин и парочка статей в газетах, где ее называли «подающей надежды». Подавать надежды можно в начале пути, до тридцати лет. В промежутке от тридцати до сорока подавать надежды стыдно, а после сорока и вовсе позорно. После сорока надо пожинать плоды и примериваться к лаврам, чтобы почивать на них с максимальным удобством. К лаврам? Как бы не так! К нарам придется примериваться, Екатерина Аркадьевна! Придется привыкать к баланде и прочим атрибутам тюремной жизни. Ей сейчас тридцать, через десять лет будет сорок. Она выйдет на свободу постаревшая, подурневшая, возможно, что и больная, ведь тюрьма – это не санаторий. И ничего она больше не добьется. Жизнь из увлекательной игры превратится в унылое существование. Увлекательной игры... Доигралась ты, Катюша! Екатериной Аркадьевной Катерина называла себя в минуты недовольства, а Катюшей – на самом пике антипатии к себе самой. «Катюша» воплощала все самое противное в ее характере. В данный момент – доверчивость, граничащую со слепотой, и легкомыслие, сильно смахивающее на кретинизм.

«Цыганка с картами, дорога дальняя...» – зазвучало в ушах. Катерина увидела себя в отвратительном черном ватнике и не менее отвратительных штанах. В толпе таких же черных теток она шла по заснеженной дороге в лес, на работу – валить деревья. Вороны на снегу... Катерина тряхнула головой, отгоняя наваждение, еще раз сглотнула, хоть и нечего было сглаживать, потому что в горле пересохло от ужаса, и спросила:

– А минимально – сколько?

Голос был чужим, незнакомым, хриплым и вообще все было чужим, как во сне. Но о том, что это не сон, свидетельствовало нывшее от щипков бедро.

– Ну-у... – следователь посмотрел на потолок, словно надеялся прочесть там ответ. – Трудно сказать, потому что решает суд... Но в лучшем случае, при условии чистосердечного признания и максимальной помощи следствию, можно рассчитывать на три года. Но это только в лучшем случае! – следователь многозначительно поднял указательный палец. – Если вдобавок ко всему вы произведете благоприятное впечатление на судью.

– Три года чего? – невнятно спросила Катерина, но следователь сразу ее понял, видимо, ему постоянно приходилось отвечать на такие вопросы.

– Три года колонии, – сказал он так просто, словно речь шла о чем-то обыденном. – На условный срок в вашем случае рассчитывать не стоит. Это все равно что... – следователь обвел глазами свой кабинет в поисках подходящего сравнения и остановил взгляд на графине с водой. – Это все равно что в моем графине жемчуг найти...

«Уж не на взятку ли он намекает?» – подумала Катерина. Но следователь смотрел не так, как обычно смотрят намекающие. Ни лукавинки, ни многозначительности, ни затаенной угрозы в его взгляде не было – одна только усталость. Глаза у следователя были серыми, под цвет костюму. Или костюм был под цвет глаз – все едино. «Железный Дровосек, – с неприязнью подумала Катерина, творчески смешав в своей бедной головушке Железного Феликса, стальную серость глаз следователя, серый костюм и свою недавнюю мысль о лесоповале. – Унылый Железный Дровосек сидит в своем душном унылом кабинетике и рубит под корень

---

¹ Жаргонное название Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова.

людские жизни своим остро заточенным топором». То, что вместо топора в руке у следователя была дешевая пластмассовая ручка, ничего не меняло. Творческие натуры не имеют привычки дотошно сверяться с реальностью. Сказано топор, значит, топор. Катерина даже стук услышала. Резкий, отрывистый, холодный стук. Тук-тук-тук.

Оказалось, что стучали в дверь.

– Да! – слегка повысив голос, сказал следователь.

Дверь плавно открылась. На пороге стоял плечистый мужчина в форме. Мужчина был высоким, поэтому сидевшей Катерине не было видно его погон. Да и не сильно интересовали ее погоны. Куда интереснее было сочетание горбатого носа с чеканным, будто высеченным из мрамора подбородком. Согласно физиогномике, горбатый нос свидетельствует о великодушии, а твердый подбородок – о волевом характере. Великодушный сильный мужчина с фигурой атлета – это же идеал! И не только с точки зрения искусства. Если же еще у него и голос приятный...

– Пошептаться бы, – замечательным бархатным баритоном сказал мужчина и добавил: – Срочно.

– Подождите, пожалуйста, в коридоре, – попросил Катерину следователь.

Идеал тут же померк. Разве прилично выставлять женщину, посетительницу, в коридор. Если вам, дорогие друзья, срочно приспичило пошептаться, так извольте сделать это в коридоре! Этикет был пунктиком Катерины. Даже больше – навязчивой идеей. Когда в ее присутствии ели руками или сморкались при помощи двух пальцев, ей становилось плохо не только морально, но и физически. Что-то противное начинало ныть и вибрировать внутри. Ну а если не ныло и не вибрировало, то всегда приходило огорчение. Как же так можно? Почему? Подруги смеялись, называли Катерину «чокнутой перфекционисткой», «герцогиней Монпансье» и много как еще. Катерина удивлялась, иногда обижалась.

Уже в коридоре, сидя на неудобной жесткой банкетке (вот почему их называют медицинскими, если они стоят повсюду, не только в поликлиниках?), Катерина сообразила, что следователь не мог поступить иначе, не мог оставить ее одну в кабинете. У него же там важные документы, в том числе касающиеся и ее самой. Мало ли что... Он же даже все бумажки на столе перевернутыми держит, как учил капитан Жеглов из «Места встречи». Так что можно не обижаться... А еще она поняла, что в том мире, где она очутилась по нелепой прихоти судьбы, существуют иные правила. Об этикете можно забыть. Надолго. В худшем случае на десять лет, в лучшем – на три года. Разные люди станут отдавать ей повелительным тоном приказы, а она станет их исполнять. «Заклученная Ютровская, стоять! Лицом к стене!» Или заключенных называют по номеру? По номеру это не просто ужас, а ужас-ужас-ужас. Потерять имя – это все равно, что потерять себя. Жалость к себе спазмом сдавила горло. Ну почему она такая несчастная? Ну почему жизнь к ней так несправедлива? Почему она играет с ней так жестоко? Приподнимает и тут же шмякает о землю? Не для того приподнимает, чтобы порадовать, а только для того, чтобы размахнуться посильнее, чтобы шмякаться было больнее. За что?! За что?! За что?!!

«Ты прекрасно знаешь за что!» – сказал внутренний голос.

Внутренний голос у Катерины был вредный. Ни разу в жизни ни от чего не предостерег, ни разу ничего дельного не посоветовал, ничего приятного не сказал. Только упрекал и напоминал о том, что хотелось забыть. Одно время, желая избавиться от голоса, Катерина ходила на сеансы к психоаналитику, милому пузатому дядечке с улыбкой Чеширского кота. Грохнула кучу денег, потому что сеансы были ой как недешевы, но от голоса не избавилась, несмотря на то что дядечка обещал обратное. Он утверждал, что голос появился от внутренней потребности обсуждать проблемы и что, если она станет обсуждать их с ним, голос исчезнет. За ненадобностью. Так уж устроено в природе, что ненужное всегда исчезает... И она тоже скоро исчезнет, потому что она никому не нужна. Или почти никому...

«А чего ты хотела?» – поинтересовался голос.

– Ничего! – вслух простонала Катерина, чувствуя, что подбородок начинает предательски дрожать.

В бело-голубом коридоре было так же душно, как и в кабинете следователя. Душно и холодно – странное сочетание. Или то был озноб на нервной почве? Катерине захотелось выйти на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Она встала, но тут же села обратно, подумав о том, что ей, наверное, нельзя отлучаться без разрешения. Следователь увидит, что ее нет, и решит, что она сбежала. Объявит какую-нибудь «операцию «Перехват», а потом добавит к десяти годам еще пять за попытку побега. То есть суд добавит. Ах, какая разница, главное, что добавят! На счастье, в объемистой сумке-торбе среди прочего барахла нашлась початая колбаска мятных таблеток. Катерина засунула в рот сразу две – одну под язык, другую за щеку – и начала сосредоточенно сосать. Леденцы в качестве успокоительного порекомендовал доктор Айболит. Мама сначала ворчала, что, мол, за доктор такой, который лечит не таблетками, а конфетками, а вот Катерине лечение сразу же пришлось по душе. Очень скоро и мама изменила свое мнение и начала расхваливать Айболита при каждом удобном случае. Водили-водили ребенка по врачам, лечили-лечили, чуть совсем не залечили, а специалист только взглянул и сразу все понял! Слово «специалист» было у мамы высшей похвалой человеку, знающему свое дело. Вне зависимости от профессии. У нее и артист Янковский был специалистом, и Айболит, и сантехник дядя Паша, который любил повторять, что возможность невозможного определяется тем, насколько полон стакан. На небогатой заводской окраине такие умельцы, как дядя Паша, умеющие чинить старое-ржавое так, чтобы оно еще долго прослужило, ценились особо. Лишних денег ни у кого не было, все жили от получки до получки, владельцы мотоциклов считались «буржуями»... Год назад Катерину пробило на ностальгию. Захотелось побывать в родном районе, который она долгое время усиленно избегала, пройтись знакомыми дорожками, посидеть на «той самой» скамейке. Застала все в таком же виде, в каком и оставила. Хрущевки в Москве сносили усердно, а вот двухэтажные дома, построенные сразу же после войны руками военнопленных и от того называемые «немецкими», почему-то не трогали, несмотря на их, мягко говоря, не лучшее состояние. Катерину поразило обилие дорогих иномарок во дворах. Она всегда чутко улавливала контрасты любого рода. Роскошные автомобили не просто выделялись на фоне убогих домиков, а, казалось, вопили: «Люди добрые! Сделайте божескую милость, заберите нас отсюда!» Контраст был вопиющим, иначе и не скажешь, и наводил на размышления. Немного подумав, Катерина решила, что люди, живущие в не лучших квартирах, обзаводятся дорогими автомобилями из желания компенсировать одно другим. Сама она поступала примерно так же, когда, утомившись из-за длительных периодов строгой экономии (ах, сколько их было!), на последние деньги «вела себя» в ресторан. Пропади оно все пропадом – сама себя не порадуешь, никто тебя не порадует. Самое интересное, что всякий раз после подобного загула на последние рубли судьба исправно подкидывала новый заказ. Пару раз Катерина пыталась хитрить: гуляла не на последние, а на предпоследние деньги, но обмануть судьбу ей не удавалось. Заказы появлялись «на абсолютном нуле», после привычно недолгой ревизии вещей, которые могли бы принять в ломбарде. Инка Пытелько, когда Катерина упомянула при ней ломбарды, высоко подняла брови и удивилась:

– Ломбарды?! Разве они еще существуют?

– А то ты вывесок не видела?! – в свою очередь удивилась Катерина.

Инка смущенно улыбнулась: нет, не замечала. Конечно, зачем ей замечать какие-то ломбарды? Люди замечают только то, что им нужно. Сама Катерина, например, только на четвертый год жизни в новой квартире обратила внимание на то, что с торца здания находится молочная кухня. Зачем ей, бездетной...

«Бездетной, бездетной, бездетной...» – зачастил внутренний голос.

– Да, бездетной! – тихонечко сказала вслух Катерина и сунула в рот еще одну таблетку, потому что предыдущая уже успела растаять под языком.

Заставить голос заткнуться можно было одним-единственным способом: согласиться с ним. Иначе он мог досаждать часами. Да, у нее нет детей, но еще не вечер, она еще успеет их родить...

Вот про вечер думать не следовало, потому что голос сразу же сказал: «Ага, встретишь! На зоне. Тебя там конвоиры изнасилуют по очереди, и ты не будешь знать, кто отец твоего ребенка. Или отморозишь себе все в тайге!»

«Не отморожу! – завелась Катерина, утратив остатки самообладания. – И забеременею прямо сегодня! Вот сейчас, на обратном пути, зайду в первый же медцентр, где есть гинеколог, и попрошу извлечь спираль! Удалять – не ставить, с этим любой доктор справится или даже медсестра! И прямо же сегодня забеременею! Или завтра! Короче говоря, на днях!»

«А две недели назад волновалась, что у тебя задержка!» – напомнил голос.

«Волновалась! – согласилась Катерина. – Потому что еще не была полностью уверена в Олеге. Я и сейчас не совсем в нем уверена, но лучше уж от него, чем от каких-то конвоиров...»

При мысли о любимом мужчине на душе потеплело. Не такая, впрочем, уж и была между ними любовь, скорее взаимная симпатия, переросшая в привычку, но Катерина давно убедила себя в том, что во второй, в третий и во все последующие разы все бывает именно так – тускло. Это только в первый раз фейерверк эмоций и счастья выше головы. В первый раз все ощущается острее, глубже, ярче. С картинками точно так же. Когда Катерина продала свой первый пейзаж, она ночью не могла спать от счастья. Гуляла по Москве под проливным дождем без зонта и строила в уме грандиозные планы по завоеванию Вселенной, точнее, по завоеванию всех известных галерей. А сейчас продаст, пересчитает деньги, разложит на три кучки: на долги, на жизнь, на черный день – и на том успокоится. Все приедается, абсолютно все...

«Если ты родишь в тюрьме, то твой ребенок будет сидеть там вместе с тобой, – сказал голос. – Ты этого хочешь?»

«Нет! – ответила Катерина. – Нет! Нет! Нет!»

Проклятый голос снова загнал ее в тупик. Он просто обожал делать это.

Громко всхлипнув, Катерина разрыдалась. На выдохе из ее рта вылетела мятная таблетка и угодила прямо в живот офицеру, которого угораздило в это мгновение открыть дверь. Рыдавшую Катерину подхватили под руки, отвели в кабинет и усадили на стул. Следователь оказался не то большим специалистом по купированию истерик, не то очень равнодушным, профессионально деформированным человеком. Он не стал успокаивать Катерину, не предложил ей выпить воды, которая неминуемо выплеснулась бы фонтаном обратно, он вообще ничего не предпринимал. Черкнул что-то в настольном ежедневнике и принялся усердно стучать по клавиатуре. Печатал он профессионально, всеми десятью пальцами, Катерина сколько ни билась, так и не могла этому научиться.

В отсутствии постороннего внимания эмоции долго не буйствуют. Во всяком случае, у Катерины было именно так. Внутренний голос после каждой истерики брал небольшую паузу – дело сделано, можно и отдохнуть, – поэтому минут через пять Катерина перестала всхлипывать и спросила разрешения отойти в туалет.

– Идите, – разрешил следователь. – Туалет направо, в конце коридора.

Он не пошел провожать Катерину и не добавил, чтобы она не вздумала идти куда-нибудь еще, отчего Катерина немного прибодрилась. Значит, ее не считают опасной преступницей, значит, не все еще так плохо. Но не успела она дойти до туалета, как мысли изменили свое течение. А чего ему опасаться? Пропуск остался лежать на столе неподписанным, а без пропуска с подписью следователя ее отсюда не выпустят. А если даже и выпустят, то куда она побежит? У нее же совершенно нет опыта в подобных делах. Она даже не знает, где покупают поддельные

документы. На рынках? В метро, где продают дипломы? Или надо искать в Интернете? К тому же в туалете на окнах непременно будут решетки.

Катерина ошиблась. В туалете вообще не было окон. А еще не было мыла, но она обошлась без него. Спустя десять минут она вернулась к следователю посвежевшей, с новым, наложенным на очень скорую руку макияжем и первым делом спросила:

– Скажите, а если у заключенной рождается ребенок, то он сидит с ней до конца срока?

– Не с ней, а в доме ребенка при колонии. Там можно регулярно его навещать, – ответил следователь, окидывая Катерину цепким профессиональным взглядом. – Если вы беременны, то принесите справку от врача. Беременность учитывается судом, хотя особо уповать на это обстоятельство не стоит. Вам, Екатерина Аркадьевна, следует уповать только на полное признание и максимальную помощь следствию. Это единственное, что может смягчить вашу участь. Я предупреждаю вас об ответственности...

«Он же мой ровесник, – подумала Катерина, глядя в глаза следователю. – А взгляд как у старика. Наверное, это от работы. Интересно, какой у меня будет взгляд после отсидки».

Ей вспомнилась дворничиха тетя Маруся, полная добродушная женщина, ласково называвшая всех детей, независимо от пола и возраста, «воробушками». Невозможно было поверить в то, что тетя Маруся сидела в тюрьме, причем за убийство, но так оно и было. Тетя Маруся была местной, карачаровской, поэтому ее историю знали все. Когда-то давно у тети Маруси был муж, буян и пьяница. Он регулярно избивал свою жену. Та до поры до времени терпела, но однажды в ответ на удар сковородой по голове (муж вознегодовал на то, что жена посмела подать ему остывшую яичницу) ткнула своего благоверного кухонным ножом в живот. На суде говорила, что убивать не хотела, только напугать, и что от удара в голове все помутилось. Неизвестно, было ли так на самом деле или кто подучил, но тетю Марусю признали действовавшей в состоянии аффекта и дали минимальный срок. На районе тетю Марусю считали не преступницей, а страдальцей. Ни за что же, в сущности, пострадала. Катерина подумала: а не сказать ли, что она тоже действовала в состоянии аффекта? – но тотчас же отогнала эту мысль. Какой тут может быть аффект? Смешно! Лучше рассказать правду. В сложных ситуациях всегда лучше рассказывать правду. Чтобы этот румяный, но несимпатичный следователь смог бы разобраться в том, кто прав, а кто виноват.

– Я расскажу все, – сказала она, удивляясь тому, как тяжело ей дается каждое слово. – Все, что знаю. Только прошу учесть, что я ни в чем не виновата...

– Екатерина Аркадьевна! – устало перебил следователь. – Степень вины оценивает суд. Мое дело – собрать факты и представить их на рассмотрение суда.

– Но вы же можете закрыть дело за... за... – Катерина не сразу смогла припомнить формулировку, потому что казенные обороты речи она запоминала плохо. – За отсутствием состава преступления.

– Состав преступления в вашем случае налицо, – «обрадовал» ее следователь. – И ваша причастность к делу не вызывает сомнений. Так что давайте закончим прения и перейдем к вопросам.

Оживший принтер, стоявший на приставном столике, выплюнул какую-то бумажку. Следователь указал Катерине, где ей надо поставить подпись, и начал допрос.

– Итак, первый вопрос, – сказал он, раскрывая одну из лежавших перед ним папок. – Вы знакомы с Владиленом Ревмировичем Рахматовым?

– Знакома, – обреченно кивнула Катерина.

Следователь отстучал краткую дробь на клавиатуре.

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились?

– Это было весной, – говорить стало легче, и духота уже не досаждала, – был чудесный солнечный день...

– Екатерина Аркадьевна! – перебил ее следователь. – Я же протокол пишу, а не роман. Давайте по существу!

– Так это же по существу! – удивилась Катерина. – Была весна, день был солнечным, к тому же еще и выходным. Не помню уже – суббота или воскресенье. Я решила, что в такой замечательный день непременно продам хотя бы парочку своих пейзажей, и поехала в Измайлово...

2. Блог Кати Ютровской, 1 апреля 2002 года

Ну вот я и в ЖЖ! Буду жужжать! Это так замечательно – вести дневник в Интернете! Всегда под рукой и никаких рассыпающихся пожелтевших страничек! И никто посторонний не сможет заглянуть в мои записи. Этот дневник только для меня. Возможно, я стану показывать его детям и внукам, но до этого еще очень далеко.

Мне всегда казалось смешным и глупым вести дневник. Это потому, что я сама была глупой. Не ощущала течения жизни, не понимала, что все хорошее надо фиксировать, складывать в копилочку, чтобы не стерлось из памяти. В детстве многое кажется глупым, потому что своего ума мало. Сейчас я жалею, что не вела дневников с тех пор, как научилась писать. Это сколько же впечатлений сохранилось бы! Не воспоминаний (вот в такой-то день случилось то-то), а впечатлений. Как начинался день, что я делала, как все было, что я чувствовала, о чем думала и так далее. Все-все-все, до мельчайших подробностей.

Особенно остро я ощутила эту свою ошибку после того, как не стало мамы. Хотелось бы оставить в памяти все, что связано с ней, но вспоминаются только самые яркие события. Со временем я буду помнить только самые-самые... А ведь столько всего было! Каждый день, прожитый с мамой, был наполнен радостью. Мама сама умела радоваться каждому пустяку и заражала этой радостью окружающих, даже тетю Полину.

Я намеренно решила, что стану вести свой виртуальный дневник точно так же, как настоящий. Если напишу что-то лишнее, то не стану удалять, а зачеркну. Лишнее – это тоже мои мысли. Может случиться так, что когда-нибудь зачеркнутое покажется мне самым интересным. Так будет правильно и честно. А еще я решила, что постараюсь не писать ничего плохого. В грустные дни вообще не стану сюда заходить. Плохое надо забывать как можно скорее.

Когда мама ушла, мне казалось, что она унесла с собой всю радость моей жизни. Звучит немного выпренно, но так оно и было на самом деле. Тоска накрыла меня с головой. Не хочу углубляться, потому что решила писать только о хорошем.

Сейчас прочла написанное и поняла, что я жуткая притворщица. Зачем я объясняю себе то, что и так знаю? Зачем начала свой дневник с вранья? Ах-ах-ах! Детям и внукам я стану его показывать! Может, и стану. Но гораздо раньше я покажу его кое-кому другому. Тому человеку, чье появление в моей жизни вернуло мне радость и побудило взяться за перо, то есть усердно долбить по клавиатуре двумя пальцами. Кстати, давно пора освоить десятипальцевый метод. Это я так, себе на заметку.

А теперь только правду, чистую правду и ничего, кроме правды. Любимый! В признательность за то, что ты есть, я решила сделать тебе подарок!!! Свадебный! Когда мы поженимся, то вместе прочтем историю нашей любви, а потом продолжим писать ее вместе. Страничку ты, страничку я. А потом ее прочтут наши дети и тоже что-то добавят... А там и внуки подрастут... Именно так закладываются фамильные традиции. Мне очень хочется иметь фамильные традиции. Отчаянно завидую тем, кто может рассказать историю своего рода до какого-нибудь дальнего колена. У меня самой история короткая, можно сказать – куцая. Бабушка с дедушкой познакомились в детском доме, куда они попали во время войны. У них родились две дочери – Полина и Анна. У Анны родилась я. Отца своего я никогда не видела и ничего о нем не знаю. Мама всегда отмалчивалась, когда я начинала спрашивать, а тетя Полина ничего не знает. Или тоже не хочет говорить. Вот и вся моя генеалогия. Я записала ее не для себя, а для наших потомков (как славно и гордо звучит слово «потомки!»). Ты узнаешь ее задолго до нашей свадьбы. Наверное, я расскажу о себе все-все уже сегодня. Я ужасная болтуня, если кто еще не понял, а еще мне хочется все-все-все тебе рассказать и узнать все-все-все о тебе!

Представляю, как, дочитав примерно до этого места, ты улыбнешься и скажешь: «Ах, какая ты торопыга! Начала думать о свадьбе и готовить свадебный подарок с первого дня зна-

комства!» Не с первого, любимый, а со второго. Вчера вечером я не могла ни о чем думать, только радовалась твоему появлению в моей жизни и ничего не могла делать. Сидела, смотрела в окно и улыбалась. Тетя сказала, что я свечусь «как голый зад при ясной луне», можно считать, что сделала мне комплимент. А сегодня я начала вести дневник, потому что не хочу потерять ни одного счастливого мгновения. Если кто не понял, то я ужасная жадина. Плюшкин в женском обличье. Что там? Веревочка? Сгодится и веревочка.

Если бы ты только знал, как я вчера злилась на тетю! Увидев, как старательно я глажу блузку, она сразу же улеглась в постель и заохала. На нее такое часто находит. Ей не нравится, что я стараюсь проводить свободное время вне дома. Один вечер в неделю она скрепя сердце согласна мне уступить, ну два. А тут получилось так, что я ушла в загул на неделю – каждый день какая-нибудь тусовка. Разумеется, тетя не выдержала. Началась обычная кутерьма. Приехала «Скорая», намерила высокое давление (тетя умеет поднять давление всем: и себе, и окружающим), потом мне пришлось бежать в аптеку за валокордином, которого, как я подозревала, у тети в тумбочке навалом, потом дежурить возле тети. До девяти вечера она лежала пластом и охала, а ровно в девять встала, встрепенулась и пошла ужинать на кухню. Я поняла, что она притворялась, играла в своем вечном спектакле «Несчастливая тетя и ее неблагодарная племянница». Она же медсестра и симулировать умеет замечательно. В том числе и высокое давление. Это даже я знаю, что, если напрячь тело во время измерения, давление будет повышенным. Девять часов – контрольный рубеж. Ясно же, что после девяти я уже никуда не пойду. Но я распахнулась (не люблю, когда меня обманывают) и назло тетке ушла гулять. Еще и дверью хлопнула от души, выражая свое негодование.

Ты, наверное, в первый момент подумал, что я слепая или идиотка, потому что только такая может наткнуться на встречного на пустой вечерней улице. На самом деле я шла куда глаза глядят и смотрела не по сторонам, а в себя... Отключилась от реальности и думала, почему я такая несчастная. Хорошо еще, что не вышла на проезжую часть. Впрочем, если бы меня до встречи с тобой задавило насмерть, то я не стала бы сильно расстраиваться. Такое паршивое было настроение. Я пообещала, что не стану писать о плохом, но о таком плохом, которое приводит к счастью, написать нужно. Если бы тетя не устроила спектакль, то я бы ушла на вечеринку к Маше Копосовой и не встретила бы тебя. Впрочем, у меня такое чувство, что мы с тобой все равно бы встретились, не вчера, так завтра или послезавтра. Вот просто уверена.

А теперь про мои впечатления. Сначала мне стало досадно, я даже разозлилась немного и сказала тебе что-то грубое. Когда я поняла, что это не ты на меня налетел, а я на тебя, мне стало стыдно – сама виновата и еще выступаю. А когда ты улыбнулся и в твоих глазах зажглись светлячки, я обо всем забыла, потому что невозможно что-то помнить, когда на тебя ТАК смотрят и ТАК тебе улыбаются. Мне захотелось броситься тебе на шею, прижаться щекой к твоей груди, зацеловать тебя до потери сознания... Удивляюсь, как у меня хватило сил сдержаться, но я сдержалась. Стеснялась отчаянно, да. И очень боялась, что сейчас ты уйдешь. Стала лихорадочно придумывать, как можно затянуть разговор, чтобы налюбоваться на тебя, и тут ты сказал, что девушки не должны гулять по вечерам в одиночку...

Нет, я все написала неправильно. Это сейчас я вспоминаю, чего мне хотелось и что ты сказал, а тогда я почувствовала радость, огромную радость, взрыв радости. Вот когда говорят «окружающий мир окрасился в яркие цвета», имеют в виду мое состояние. Все вокруг стало другим... Нет, опять неправильно. Мне не было дела до того, что происходило вокруг, потому что я видела только тебя.

А когда ты предложил проводить меня, я нарочно соврала, что живу возле метро, чтобы мы шли долго-долго. Видел бы ты выражение своего лица, когда у метро я сказала, что вообще-то я живу там, откуда мы пришли. Ты, наверное, подумал, что я ненормальная (причин для подобного вывода у тебя было много). Но ты сказал: «Это замечательно!» – и мы пошли обратно, да еще кружным путем!

В первый же вечер нашего знакомства мы начали обзаводиться общим имуществом! У нас теперь есть наша скамейка! Это так здорово! Утром я бегала к ней. Вдруг показалось, что ты ждешь меня там. Глупость, конечно, ведь мы договорились встретиться в семь часов. Тетя сказала, что первого апреля на свидания приходить не принято, но это она со злости. Услышав, что она снова начинает охать, я измерила ей давление, проследив при этом, чтобы она не напрягала ноги, потом залезла к ней в тумбочку и убедилась, что лекарствами она обеспечена на три месяца вперед. Валокордина, за которым я вчера бегала в аптеку, оказалось четыре флакона.

Странно – если вчера я просто взъярилась на тетю за ее обман, то сегодня ее выходки меня совершенно не злили, даже забавляли. Взрослый человек, а ведет себя как ребенок. Впрочем, ничего удивительного. Вчера в моей жизни не было радости, не было тебя! Вот я и злилась на тетю, на себя, на весь мир. А сегодня даже мелькнула мысль в благодарность за вчерашнее поведение купить тете ее любимый торт «Сказка». Но я решила повременить день-другой. В сегодняшнем своем состоянии тетя может залепить этим тортом мне в лицо. Не думаю, что такой «макияж» меня украсит.

На часах половина пятого, но я уже не могу усидеть на месте. Словно какая-то неведомая сила тянет меня к нашей скамейке. Я решила, что буду идти медленно, ведь времени у меня предостаточно, но знаю, что это неправда. Я побегу к ней вприпрыжку, как утром, и стану ждать тебя там. А вдруг ты придешь первым?

3. Москва, июнь 2003 года

Самостоятельная жизнь началась с теткинго благословения.

– Голову тебе сломать, дрянь такая! – сказала она и плюнула мне вслед.

– И вам не болеть! – ответила Катерина, всю жизнь обращавшаяся к тетке только на «вы». – Успехов на новом месте.

Тетка не хотела разменивать квартиру. «Не ты ее получала, не тебе и делить! – говорила она, выразительно потрясая перед носом племянницы кукишем. – Не хочешь жить со мной, выметайся к такой-то матери!» Пришлось пригрозить продажей своей доли каким-нибудь «черным» риелторам, специалистам по принудительному выселению одиноких пенсионеров. Поняв, что племянница настроена решительно, тетка согласилась на размен. Трешка в сталинском доме, полученная дедом во время работы председателем профсоюзного комитета в НИИ, легко, без доплаты, разбивалась на две окраинные однушки. Тетка, конечно же, рассчитывала на большее. У нее была своя арифметика. Она считала, что трехкомнатная квартира должна размениваться на двухкомнатную и однокомнатную. Двухкомнатную ей, однокомнатную – племяннице.

– Квартира – в большом доме! – напоминала она всем: и риелторам, и потенциальным покупателям-сменщикам с таким апломбом, будто речь шла о Доме на набережной. Дом, в котором они жили, местные жители называли «большим», потому что когда-то он был единственной многоэтажкой среди бараков. А еще его называли «красным» за цвет кирпича, но «красный», по мнению тетки, звучало не так значительно, как «большой». Смирившись с тем, что ей придется переезжать в однушку, тетка начала ревностно следить за тем, чтобы племяннице ненароком не достался бы вариант получше. Обращала внимание на все – не только на метраж и этаж, даже расстояние до остановки мерила шагами. Вымотала все нервы, но Катерина не сдавалась. Она не могла после того, что случилось, жить с теткой и не могла бесконечно кочевать по подругам. Ей было нужно свое жилье. Пусть комната в коммуналке, пусть соседи будут какие угодно... Все равно, хуже тети Полины никого не придумаешь.

Разъехались «диаметрально противоположно», как выразилась риелтор Света, в разные концы Москвы. Тетка – в Выхино, Катерина – на Планерную. Катерина собралась переезжать сразу же после того, как получила ключи от новой квартиры, а тетка назначила переезд на последний день срока, отведенного им новыми жильцами.

– Хоть поживу напоследок одна, без всяких... – то и дело повторяла она.

– Вы теперь до конца жизни будете одна, – сказала, не выдержав, Катерина. – Про меня забудьте. Помирать станете – не приду!

– А вот и придешь! – усмехнулась тетка. – Квартиру захочешь унаследовать и придешь! На пузе приползешь, шестерить будешь ради квартиры-то!

И столько звучало уверенности в ее голосе, что Катерина не выдержала. Взяв с теткой тумбочки Библию, она положила на нее правую руку и поклялась, что никакого наследства от тетки не ждет, а если и получит от нее квартиру, то продаст ее, а деньги переведет тому детскому дому, в котором воспитывались дед с бабкой. Или какому-нибудь другому, без разницы. На тетку клятва произвела впечатление. Катерину всегда удивляло, как легко при всей своей показной набожности тетка преступает различные заповеди и запреты, начиная с «не судите» и заканчивая... Неизвестно, на чем это заканчивалось. Главной христианской добродетелью тетка считала не любовь к ближнему, а ревностное соблюдение постов. Запреты и ограничения вообще составляли высший смысл ее жизни. Это называлось емким словом «дисциплина».

Из мебели в новую квартиру Катерина забрала только мамино пианино. Сама она играть не умела, вообще была немзыкальной, но пианино было не просто инструментом, а памятью, вещью, которой часто-часто касались мамы руки. Было очень приятно усесться на враща-

ющийся стул, осторожно поднять крышку и долго гладить клавиши руками. Пожелтевшие от времени клавиши были теплыми, казалось, что они хранят тепло маминых рук. А если закрыть глаза и прислушаться, то начинала звучать третья соната Шопена, которую мама играла не очень часто, но с особенным удовольствием. Пианино встало в новой квартире у стены, на самом видном месте, напротив двери, и гости, те, что из новых, нередко просили Катерину сыграть что-нибудь. Услышав, что она не умеет играть, удивлялись. Зачем одинокой женщине пианино, если она не умеет на нем играть? Но не станешь же каждому рассказывать про маму и про ее заветную мечту посвятить себя музыке. «Лучше бы на медсестру выучилась, как я, – ворчала тетка. – Хоть толк бы был. Лучше медицинское училище окончить, чем три раза в консерваторию не поступить!» Маме не хватило везения и настойчивости. Срезавшись на вступительных экзаменах в третий раз, она решила, что больше пробовать не станет. Поступила в мастерскую эстрадного искусства на ВДНХ, стала хореографом. По теткинскому мнению, «танцупьки» не считались профессией, но мама была довольна своей работой. Или просто делала вид, что довольна.

Когда было очень плохо, можно было положить на клавиши голову и подумать о маме. Это помогало безотказно. На душе становилось легче, пусть и не до конца, но легче, появлялись какие-то мысли. Иначе и быть не могло, ведь в любимый инструмент мама вложила частицу своей души, и теперь эта частица жила в нем. Катерина считала, что в ее любимом мольберте тоже, наверное, живет частица ее самой. Она вообще была склонна думать о предметах, как о живых. А что? Взять, к примеру, кисти. На вид они одинаковые, а на самом деле у каждой свой характер. Одна скользит по холсту гладко, другая вредничает, цепляется, третья подличает, брызгая исподтишка краской... А если кисть крепко обругать (с Катериной однажды такое случилось), то она от огорчения начинает облезать, теряя щетину. А уж про мольберты и говорить нечего. Катерине повезло, ей по случаю достался уникальный мольберт. Она подобрала его на помойке, наверное, умер художник, а родственники или соседи выбросили мольберт. Была осень, моросил мелкий дождик, мольберт одиноко и гордо стоял возле контейнеров с мусором, и от его вида у Катерины защемило сердце. Она взвалила мольберт на плечи (а он был тяжелым, буковым), принесла домой и начала сушить-обтирать. Когда мольберт высох, прошлась по нему наждачными шкурками, покрыла морилкой, а сверху – прозрачным бесцветным лаком. Мольберт ожил, можно сказать – расправил крылья, и в благодарность за спасение и реставрацию верно служил Катерине. Его не надо было долго устанавливать, выбирая наилучшее освещение. Достаточно было легко подтолкнуть его рукой – и он сам становился так, как надо. А если Катерина уставала, подбадривал ее своим задорным видом: «Эй, не раскисай, бери пример с меня!» Небольшой переносной мольберт, с которым Катерина выходила на натуру, был просто набором досочек и реечек, а вот большой мольберт был личностью и заслуживал личного имени. Недолго думая, Катерина назвала мольберт Альбертом. Созвучно и прикольно. «Знакомьтесь, это мой мольберт! – важно представляла она своим гостям Альберта. – Его зовут Альберт». Художники понимающе улыбались, у доброй половины были мольберты с именами, а все остальные улыбались иначе, вежливо, как улыбаются шуткам. Альберт, подобно Катерине, был ревнителем этикета. Если кто-то случайно наскакивал на него, платил за неучтивость по-своему: падая, больно ударял по ногам. Сначала Катерина укрывала мольберт старой простыней, но очень скоро ей стало стыдно, и Альберт получил чудесную бархатную накидку цвета ультрамарин, под которой выглядел этаким испанским грандом, закутавшимся в дорогой плащ.

Сразу же после переезда Катерина попала в передрягу. Так она про себя называла это – «передрягой». Не «трагедией» (что такое трагедия, Катерина знала хорошо), не «геморроем», потому что не любила режущих слух слов, не «неприятностью», поскольку масштабы были покрупнее, а именно «передрягой». Передряга – это когда из огня да в полымя, когда, пыта-

ясь решить одну проблему, получаешь другую, покрупнее. Передряга – это когда, кроме себя, винить некого.

Зарабатывать деньги Катерина начала рано, в девятом классе. Работала по принципу «куда возьмут»: носилась савраской по Москве в качестве курьера, раздавала листовки, занималась обзвонами, была Снегурочкой у соседа Геннадия Петровича, отставного актера больших и малых театров. Геннадий Петрович держал, как он выражался, «семейную антрепризу». Сам он исполнял главные роли, его супруга обеспечивала музыкальное сопровождение на аккордеоне и губной гармошке, сын был шофером, грузчиком и актером второго плана, а жена сына играла женщин и детей. Брал Геннадий Петрович недорого, заказчиков не подводил, поэтому работал много, преимущественно на детских праздниках. Новый год был у семейной антрепризы самой урожайной порой, той самой неделей, точнее – двумя неделями, которые кормили целый год. Когда забеременевшая невестка «подвела» труппу, Геннадий Петрович предложил Катерине ее заменить. На роль Снегурочки высокая голубоглазая блондинка Катерина подходила идеально. Актерских талантов она в себе не обнаружила, но «на подхвате» у ведущего все представление Геннадия Петровича сработала хорошо. И заработала тоже хорошо, было что вспомнить. Тетка, правда, ворчала: «Пост, а ты кривляешься в компании придурков», но Катерина давно научилась пропускать ее ворчание мимо ушей.

Поступив в художественный институт, Катерина стала работать больше. Расходы у студентки совсем не те, что у школьницы, стипендия была небольшой, а на тетку рассчитывать не стоило, несмотря на то что деньги у нее водились. У тетки все было четко разграничено, вплоть до полок в холодильнике. Это твое, а то – мое и попробуй только посягнуть. Она всю жизнь неплохо зарабатывала: что-то «обламывалось», как она выражалась, сверх зарплаты в больнице, что-то приходило с надомных уколов, а что-то – с «добрых дел». «Добрыми делами» тетка называла посредничество в разного рода медицинских услугах. Она всю жизнь проработала в одной и той же многопрофильной больнице, знала всех (и ее все знали) и могла устроить все, что угодно, начиная от аборта на позднем сроке и заканчивая освобождением от армии. Врачи, с которыми она вела «левые» дела, ценили тетку за пунктуальность и молчаливость. Все, что ей было известно, тетка хранила в себе, ни с кем не делилась. Да и как ей было делиться, если она никогда ни с кем не дружила?

Катерине очень понравилось работать на промоакциях. Из-за модельной внешности ей доставались лучшие, самые «хлебные» предложения, начиная от рекламы парфюмерной продукции и заканчивая работой на выставках. Сеть парфюмерных магазинов «Пальмира-престиж» предлагала Катерине постоянную работу, но она отказалась, потому что такую работу совмещать с учебой было невозможно, а учеба стояла у Катерины на первом месте. По двум причинам. Во-первых, ей очень нравилось рисовать. Она рисовала всю жизнь, сколько себя помнила, рисовала всем, что попадалось под руку, и не видела себя в какой-нибудь иной профессии. Во-вторых, не имевшей высшего образования маме очень хотелось, чтобы Катерина его получила.

– Диплом вуза – это совсем другие перспективы, – часто повторяла она с ноткой горечи в голосе.

– Перспективы! – хмыкала тетка. – У нас некоторые санитарки побольше докторов заколачивают!

«Заколачивать» Катерине не хотелось. Ей хотелось заниматься любимым делом и иметь большие перспективы.

События, предшествовавшие разезду с теткой, надолго выбили Катерину из привычной колеи. Вернуться к жизни ей помогла работа. Когда тебе не на кого надеяться, когда у тебя закончились последние деньги, то выходов два: помирать с голоду или сделать над собой усилие и пойти работать. Но с работой стало хуже. Подурневшую, поникшую, осунувшуюся Катерину на промоакции больше не брали. «Поглядитесь в зеркало! – грубо сказали ей в одном

агентстве. – Вам же только на Хэллоуине выступать!» В сущности, сказали правду: на роль живого мертвеца или оголодавшего вампира Катерина подходила идеально. Правильные черты лица, заострившись, стали карикатурно-зловещими, круги под глазами просвечивали сквозь тональный крем, как их ни замазывай, волосы поредели, потеряли шелковистость, превратились в какую-то паклю. Катерина с горя попробовала подстричься коротко, но вышло еще хуже – узница концлагеря, да и только. С такой внешностью брали только в курьеры и на раздачу листовок. Не самые «хлебные» работы, если честно.

Для того чтобы рассчитаться с риелтором Светой, Катерине пришлось влезть в долги. Крупных сумм ей никто бы не одолжил, поэтому занимала понемногу у многих, не только у подруг, но и у однокурсниц, с которыми была знакома шапочно. Небольшие суммы одалживаются легче, к тому же все знали про Катериныны обстоятельства и сочувствовали ей. Что-то еще пришлось занять на переезд, а переехав, Катерина поняла, что ей нужна мебель. Из старой квартиры она не взяла ничего, кроме мамино пианино. Мебель, купленная в семидесятые годы прошлого века, была далеко не в лучшем состоянии, патологически жадная тетка претендовала на каждую вещь, вплоть до кровати, на которой спала Катерина (как только надеялась впихнуть всю обстановку из трехкомнатной квартиры в однушку?), да и не хотелось Катерине тащить в новую жизнь рухлядь из старой. Тем более что прежние жильцы оставили ей диван, пару стульев и стол. Неплохо для начала, многие и с худшими активами новую жизнь начинали.

У Катерины было составлено некое подобие графика погашения долгов, но вдруг одна подруга попросила вернуть деньги как можно быстрее, потому что решила купить машину, за ней другая собралась замуж, третьей срочно понадобились деньги на лечение матери... Отказать было нельзя, ведь люди в свое время ее выручили. Заработать больше того, что она зарабатывала, Катерина не могла – и так пахала как проклятая на своих доставках-листовках, а по ночам писала пейзажи, которые сдавала знакомой художнице, торговавшей по выходным на Измайловском вернисаже. Выход у нее был только один: влезть в новые долги, чтобы рассчитаться со старыми. Она начала «перезанимать», но занимать уже в сущности было не у кого, давать деньги повторно при наличии непогашенного долга почти никому не хотелось, к тому же пошел слух о том, что Катерина Ютровская – аферистка. Аферисты часто используют такой метод. Берут в долг у знакомых небольшие суммы, из-за которых судиться себе дороже, и не возвращают. Никто уже не давал Катерине в долг, но все захотели получить свои деньги обратно. Обстановка сложилась крайне нервная. Кредиторы без конца названивали по телефону, в институте показываться было нельзя, потому что сразу же обступали с вопросом: «Когда отдашь долг?!» – некоторые, наименее близкие и наиболее нахальные, являлись скандалить домой, в результате чего на Катерину начали коситься соседи.

Выход из безвыходного положения подсказала бывшая одноклассница Ленка Сергеева, которую в школе прозвали Лисой не за рыжие волосы и остренькое личико, а за пронырливость. Сразу же после школы Ленка вышла замуж и исчезла с горизонта, а тут вдруг встретила Катерине в гипермаркете вся такая яркая, цветущая, улыбочивая, немного пополневшая, что ей, впрочем, было к лицу. Тележка ее была набита продуктами, в сторону которых Катерина и смотреть избегала, чтобы не травить лишней раз душу: ворох нарезок, дорогие сыры, красная икра, тропические фрукты...

– Катюха! – всплеснула руками Ленка, увидев Катерину. – Что с тобой? Болееешь, наркоманишь или просто по жизни так дошла?!

– По жизни, – вздохнула Катерина, отводя взгляд в сторону, потому что смотреть на шикарную Ленку ей было больно, и Ленкина бесцеремонность тоже немного корбила.

– Расскажи! – потребовала Ленка.

Торговый зал не располагает к долгим беседам, да и откровенничать с Ленкой особо не тянуло, не тот человек, поэтому Катерина рассказала о своих проблемах крайне сжато, надеясь,

что Ленка удовлетворит любопытство и оставит ее в покое. Разъехалась с теткой, завязла в долгах, много приходится работать...

– Нет, ну какая же ты дура! – воскликнула Ленка на весь магазин, отчего на них начали оглядываться окружающие, и повторила еще громче: – Самая настоящая дура!

Годы, прожитые с теткой, научили Катерину не то чтобы смирению, а, скорее, умению пропускать неприятное мимо ушей и не связываться с дураками, ибо себе дороже. Поэтому она вежливо улыбнулась и сказала:

– Я знаю, что я дура. Такая уж родилась.

– Точно – дура! – повторила Ленка, как будто бы Катерина с ней спорила, доказывая обратное.

Катерина попробовала молча обойти Ленку, но та перегородила ей путь своей тележкой и сказала:

– Умные люди делают по-другому. Вместо того чтобы связываться с кучей народу, берут кредит в банке. Быстро и просто!

– Кто ж мне его даст? – удивилась Катерина. – Я же студентка.

– Катюх, ты что, вчера с Луны прилетела? – вытаращилась на нее Ленка. – Не знаешь, как такие дела делаются? Купи справку с липового места работы, где будет написано, что ты – менеджер на солидном окладе, и топай в банк!

– Но так же нельзя! – ахнула Катерина.

– А до ручки доходить можно?! – фыркнула Ленка. – Впрочем, тебе решать. Чаб-какаб!

Не без усилия толкая свою тяжелую тележку, она ушла по направлению к кассам, а Катерина с почти пустой корзинкой в руке долго простояла на месте, обдумывая услышанное. Липовая справка – это, конечно, нехорошо. Но что поделать, если у банков такие дурацкие правила? Они дают кредиты только тем, у кого есть постоянная работа с хорошей зарплатой, а ведь таким людям, если вдуматься, кредиты не очень-то и нужны. Кредиты нужны таким, как она, бедным, точнее, нищим, без стабильных доходов. Чтобы выжить, выстоять, выплыть... Ведь если она в ближайшем будущем не расплатится, то ее просто с ума сведут. И продолжать учебу она не сможет, потому что в институте уже сложилась невыносимая обстановка. После того что с ней произошло, она не стала брать «академ»², потому что очень дорожила учебой, а теперь придется брать... Или даже уйти насовсем. Ужас! А в чем, собственно, обман? В том, что у нее нет высокооплачиваемой работы? Но ведь это всего лишь условность. Банку важнее всего, чтобы она вернула деньги с процентами в срок, а она вернет, непременно вернет, сдохнет, а вернет! Лишь бы только жизнь вошла в обычную колею...

Случайные встречи были проклятием Катерины. Все ее самые большие несчастья и проблемы начинались именно со случайных встреч.

---

² Академический отпуск.

4. Блог Кати Ютровской, 5 апреля 2002 года

У тебя чудесное имя, любимый! Александр! Так и хочется петь его (чем я сейчас и занимаюсь). Александр означает «защитник». Твое имя очень идет тебе. А еще оно нравится мне тем, что подходит как мальчику, так и девочке. Я уже решила (ты видишь, как скоро я все решаю?), что нашего первого ребенка мы назовем твоим именем, будь то мальчик или девочка. И детям посоветуем сделать так же, и внукам. Будет у нас еще одна семейная традиция. Здорово, правда? Мне хочется много-много традиций, и вообще, чтобы всего хорошего было много-много!

Обожаю твое имя! Эх, если бы моя мама ткнула пальцем на несколько строчек выше... Я еще не успела рассказать тебе, почему я Аркадьевна. Дело в том, что отца своего я в глаза не видела и ничего о нем не знаю. Могу догадываться, что он поступил с моей мамой настолько плохо, что при всей легкости маминого характера она его возненавидела и не только никогда о нем не вспоминала, но и имени его вслух не произносила. Вычеркнула из жизни навсегда. Меня когда-то разбирало любопытство, хотелось узнать об отце хоть что-то, но мама ничего не рассказывала, а годам к шестнадцати я остыла. Подумала, что мама поступила правильно. Если бы он был хорошим человеком, то за шестнадцать лет нашел бы время для того, чтобы со мной встретиться. Хотя, возможно, что я и не права. Может, он умер? Не знаю... Знаю одно: отец – это белая страница в моей биографии.

Так вот, когда пришло время меня регистрировать, мама попросила у сотрудницы загса справочник имен, раскрыла не глядя и ткнула пальцем в первую попавшуюся строчку. Попала на имя Аркадий. Вот так я стала Аркадьевной. Однажды я спросила у мамы, что было бы, если бы она ткнула пальцем в настоящее имя отца. Мама грустно улыбнулась и сказала, что вряд ли оно было в справочнике. И тут же перевела разговор на другую тему, но мне хватило этой единственной оговорки для того, чтобы выстроить целую историю. Я придумала, что мой отец – швед, ведь с моей внешностью трудно предположить, что он индеец, из какой-нибудь аристократической семьи. Он познакомился с мамой, когда приехал в Москву. Захотел увидеть город с изнанки, сел в метро, доехал до Таганки, сел в троллейбус... Я видела, как он, похожий на актера Харатьяна, едет в троллейбусе по Нижегородской улице и с любопытством смотрит по сторонам на настоящую, непарадную Москву. Увидев небольшую церквушку, выходит, чтобы осмотреть ее, дальше идет пешком и доходит до Дома культуры, в котором мама вела танцевальный кружок. В Швеции нет Домов культуры, поэтому ему становится любопытно. Он заходит и сталкивается с мамой... А дальше у них все происходит, как у нас с тобой... Сначала. А потом он уезжает домой, обещает маме, что скоро вернется, но дома на него насаждают родители. Как так? Что за мезальянс? Мы нашли тебе невесту из нашего круга, а ты связался с какой-то плебейкой в далекой России. Мать, которая в моем представлении была очень похожа на мою тетю, ложится в постель и начинает стонать, отец, то есть мой дед, снимает со стены старинный пистолет (откуда только это взялось!) и кричит, что сейчас застрелится, если его неблагодарный сын не изменит своего решения. Сын, то есть мой отец, уступает. Не пишет и не звонит маме, женится на нелюбимой аристократке и чахнет от тоски. Чахнет-чахнет и умирает, а перед смертью пишет маме покаянное письмо, в которое вкладывает документы, где сказано, что он признает их ребенка своим и так далее. Но его злая жена перехватывает письмо и сжигает в камине. Злая жена тоже была похожа на тетю, потому что с нею у меня ассоциируются все злые люди.

Как тебе моя история? Писала и предвкушала, как мы вместе над ней посмеемся. Настоящий бульварный роман «Стокгольмские тайны». Литература – это не моя стезя, ведь я художница. Знаешь, что мне хочется написать больше всего на свете? Наш семейный портрет. Ты, я, наши дети и наша собака... Мне всегда хотелось иметь собаку, но моя тетя не выносит живот-

ных. Никаких, даже рыбок. Потому что животные, по ее мнению, «производят грязь и усложняют жизнь». На самом деле никто не усложнил моей тете жизнь так, как она сама. Но, когда мы станем жить вместе, мы непременно заведем собаку. Или кошку, или канарейку, или черепашку... Очень хочется, чтобы дома, кроме милого мужа и милых детей, был бы какой-нибудь милый питомец. Собака, на мой взгляд, лучше всего. Во-первых, с ней надо ежедневно гулять, а нам, художникам, вечно торчащим у мольберта, прогулки на свежем воздухе просто необходимы. Я, когда увлекаюсь, могу рисовать сутками, не могу остановиться, а потом падаю без сил. Так, конечно, нельзя. А вот собака не даст «зарисоваться», схватит зубами за юбку и потащит к выходу: «Аванте, камаради, гулять пора!» И еще собаку можно научить разным милым фокусам. С другой стороны, канарейки умеют петь, а собаки нет. Ладно, потом разберемся. Я еще даже не знаю, кто тебе нравится больше. Не успела спросить. Я вообще почти ничего не успела узнать о тебе за эти три встречи. Столько вопросов в уме крутятся, а как увижу тебя, так забуду обо всем и несую какую-то чушь про погоду и про Шакиру с Аврил Лавин (честно говоря, обеих терпеть не могу, мне гораздо больше нравится Земфира). Не могу понять, почему так происходит. Очень боюсь показаться тебе полной дурой. Стараюсь сказать что-то умное и говорю еще большую глупость.

И в плохом можно отыскать что-то хорошее. Зато я успела убедиться в том, что ты добрый. Только хорошие люди могут с заинтересованным видом слушать часами всякую чушь, да еще и поддакивать. Это очень хорошо, что ты добрый. Впрочем, злой человек не смог бы мне понравиться, злого человека я не смогла бы полюбить. У меня чутье на добрых людей. Загляну человеку в глаза, переброшусь с ним словом и знаю, добрый он или злой. Такие вот способности. А еще меня цыганки часто принимают за свою. Подходят на улице, обращаются на цыганском, а потом удивляются: «Как? Ты не наша?» Иногда я думаю: может, мой отец был цыганом? Может, от него я унаследовала умение видеть характер людей? Но потом смеюсь – какой цыган? Волосы у меня светлые, кожа белая, глаза голубые. Сроду я таких цыган не встречала. Скорее всего, причина не в моем отце, а в моей любви к длинным цветастым юбкам и ярким браслетам. И еще я пластичная оттого, что долго занималась с мамой танцами. Раньше я очень любила танцевать, а после того как мама ушла, перестала. Не могу. Стоит только начать, как сразу же вспоминаю маму, вспоминаю, как она учила меня делать первые па, как подбадривала: «Смелее, моя принцесса!» Мама звала меня «принцессой», а тетя «принцесской» (всего одна буква, а какая огромная разница!). Сразу на глаза навертываются слезы, ноги начинают путаться, короче говоря, ничего хорошего. Это психическое, от переживаний. И я уже знаю, кто меня «вылечит». Конечно же ты, любимый. Обещаю, что на нашей свадьбе я тебя не подведу, станцую так, что все ахнут! Знаешь, у меня такое чувство, что, когда ты рядом, я могу все. Все на свете! Могу сдвинуть горы или повернуть реки. Но горы с реками могут не беспокоиться, мне до них нет никакого дела, а вот кое-что из того, что мне раньше не удавалось, я уже сделала. Например, вчера, когда мы сидели на нашей скамейке, я вдруг поняла, почему мне никак не давалось ночное небо. Я уж и перепробовала по-всякому, и к преподавателям приставала. Вроде все делаю правильно, а звезды с луной как приклеенные. На языке художников «как приклеенный» означает «ненастоящий», «никуда не годный». Кстати, слово «апликация» у нас ругательное. Сказать про чью-то работу: «Это не картина, а аппликация какая-то!» – означает смертельно обидеть художника. Про мои картины такого еще не говорили, и я надеюсь, что никогда не скажут. Так вот, когда ты меня поцеловал, на меня снизошло озарение. Я все делала правильно, как мальчик из анекдота, только не с того начинала. Начинала, как обычно, с земли, рисовала деревья и все прочее, а потом принималась за небо. А надо было наоборот. Безграничное небо должно ложиться на холст первым. Небо надо изображать как Вселенную, в которой существует то, что изображено на картине. Я не могу передать этого словами, но, вернувшись домой, я тотчас же схватилась за кисти и к утру убедилась в том, что моя догадка верна. Мне никто не советовал так поступить, это мое личное открытие, особен-

ность моего восприятия, и сделать его помог мне ты, любимый. И это только начало. Очень надеюсь, что и я смогу тебе чем-то помочь. Я буду очень стараться, очень-очень-очень!

Знаешь, когда у нас будет свой дом (мне всегда очень хотелось жить в своем доме с лужайкой), я подговорю тебя на небольшую авантюру. Мы купим скамейку, похожую на нашу, и темной-темной ночью подменим нашу скамейку на купленную. Очень хочется, чтобы наша скамейка стояла у нас во дворе. Всего пять дней прошло, а я к ней уже душой прикипела. Стыдно признаться, когда я прохожу мимо и вижу, что на ней кто-то сидит, я испытываю чувство, похожее на ревность. Как они смеют?! Это же наша скамейка! Вот такая я собственница! Ты еще не понял, с кем тебя угораздило связаться!

А еще я мнительная. Сегодня утром вдруг забеспокоилась, едва только глаза открыла. Подумала: а вдруг тебя нет? Вдруг это я тебя выдумала, потому что мне очень хотелось влюбиться в такого идеального мужчину, как ты? Выдумала и сама поверила в свою выдумку? Галлюцинации же бывают очень достоверными... Ты не представляешь себе, как я испугалась! Ты, наверное, удивился моему раннему звонку и тому, как сдержанно я с тобой разговаривала. Это потому, что я вышла на кухню, где сидела тетя, и включила громкую связь. Я так иногда делаю, когда руки заняты, но предпочитаю делать это не при тете. А сейчас разговаривала при ней. Расчет у меня был простым. Если я тебя выдумала, то тетя непременно спросит, чего это я разговариваю с молчащей трубкой. На то, что она проявит деликатность и промолчит, можно не надеяться. Не тот случай. Деликатность тете совершенно несвойственна. Но она вместо этого сказала: «Какой противный голос у твоего Саша, скрипит, как старая телега». От радости я была готова ее расцеловать. Ура! Значит, ты существуешь на самом деле! Ну а на то, что она назвала твой голос противным, я даже внимания обращать не стала. Вот если бы тетя сказала, что у тебя приятный голос, тогда следовало бы насторожиться: уж не заболела ли она?

На нашу сегодняшнюю встречу я прихватил свой фотоаппарат и попрошу кого-нибудь нас сфотографировать. Чтобы всегда иметь при себе доказательство твоего существования. Ты не представляешь, как я испугалась...

5. Москва, ноябрь – декабрь 2003 года

Ленка дала правильный совет. Если бы Катерина не сваляла дурака, то все бы у нее было хорошо...

Раздобыть необходимую справку оказалось нетрудно. Катерина оторвала от наклеенного на столбе объявления язычок с номером телефона, позвонила, продиктовала очень милой девушке свои данные и уже на следующий день получила от молодого человека на «Курской» конверт с двумя экземплярами документов: справку о своих мнимых доходах и копию выписки из трудовой книжки, заверенную печатью неведомого ЗАО «Олрекс-групп», в котором Катерина Аркадьевна Ютровская якобы работала в должности менеджера по продажам. Документы обошлись недорого, примерно в треть суммы, на которую рассчитывала Катерина. К тому же девушка, с которой она общалась по телефону, сказала, что их фирма обеспечивает «послепродажное сопровождение». То есть если кому-то вздумается позвонить по номеру телефона, указанному в справке, то ему подтвердят, что такая-то действительно работает в такой-то должности в такой-то компании. «У нас солидная фирма, а не шарага какая-нибудь», – несколько раз повторила девушка. Катерину это позабавило: солидная фирма, ах-ах-ах! Но еще больше позабавила ее процедура передачи документов, очень похожая на сцену из шпионского боевика. К ней подошел высокий худой парнишка, лицо которого скрывала сдвинутая на лоб бейсболка. Нервно оглянулся и шепотом спросил, как ее зовут. Когда Катерина назвала себя, курьер оттопырил карман своей курточки и многозначительно на нее посмотрел. Сдерживая смех, Катерина сунула туда конверт с деньгами. Курьер отошел чуть в сторонку (Катерина даже забеспокоилась, как бы он не убежал с ее деньгами), достал конверт и долго рылся в нем, пересчитывая деньги. Выглядел он при этом настолько подозрительно, что, будь Катерина милиционером, она непременно им заинтересовалась бы. Закончив считать деньги, курьер вернулся к Катерине, встал боком к ней, отвернулся в сторону, вытащил из своей сумки конверт и протянул ей. «Кино и немцы», – вспомнила Катерина любимую мамину присказку. Уходил курьер тоже прикольно – крадучись и оглядываясь. Катерина решила, что парню просто скучно развозить по городу документы (ей и самой не очень-то нравилось «курьерить»), вот он и старается вносить разнообразие в унылую рутину).

Начавшееся так гладко дело забуксовало на стадии одобрения кредитной заявки. Получив один за другим четыре отказа в крупных банках, Катерина решила попытать счастья в банках помельче. Ей каждый раз, что в первый, что в четвертый, было очень тяжело общаться с банковскими сотрудниками. Казалось, что вот-вот они догадаются, что ее справка липовая, и прогонят ее, а то и вызовут милицию.

В седьмом по счету банке, маленьком, но со словом «генеральный» в названии, Катерине улыбнулась удача. Более того, ей предложили взять сумму вдвое большую той, которую она просила. Сказали, что чем крупнее сумма, тем лучше условия. Не помня себя от счастья, Катерина согласилась, решив, что упавшие с неба деньги (иначе их и не назвать) она потратит на обстановку своей новой квартиры. Минимализм интерьера, на который она на первых порах не обращала внимания, постепенно начал ее угнетать.

Дьявол, как известно, кроется в деталях, которые прописаны мелким шрифтом. В кредитный договор Катерина особо не вчитывалась, только проверила, правильно ли указаны ее личные данные. А зачем ей было вчитываться, ведь сотрудники банка все ей объяснили на словах? В маленьком банке, со словом «генеральный» в названии, работали замечательные люди, дружелюбные, компетентные, предупредительные. Они подробнейшим образом разобрали с Катериной все важные пункты договора. Разобрали бы, наверное, и «неважные», но у них для этого не оставалось времени. Да и неловко было Катерине злоупотреблять их любезностью.

Она знала за собой грех и сильно смущалась от того, что ей приходится обманывать таких хороших людей.

Кто кого обманул, это еще бабушка надвое сказала. В сентябре, в самом начале нового учебного года, на воспрянувшую было духом и обставившую хоть как-то свою квартиру Катерину свалилось откровение. Оказалось, что ее ежемесячный платеж банку на деле был почти втрое больше той цифры, которая отложилась в ее памяти. Почему так получилось?

– А вы договор прочитайте внимательно, – посоветовал ей по телефону суровый мужской голос. – Там все написано.

Сначала Катерине показалось, что она попала в какой-то другой банк. Среди сотрудников ее банка просто не могло быть таких грубиянов. Увы, никакой ошибки не было. «Неважные» пункты, прописанные мелким шрифтом, превращали кредитный договор в кабальный.

Катерина попробовала добиться справедливости.

– Не рыпайтесь, – посоветовала ей девушка из банка, совсем недавно бывшая такой милой в общении. – Договор составлен грамотно, под ним стоит ваша подпись, мы свои условия выполнили, деньги вы получили в срок, теперь извольте платить!

Платить! Проценты на проценты, а сверху еще проценты с пенями за несвоевременное погашение... Несложные расчеты показали, что долг банку будет расти как снежный ком. Катерина прокляла свое легкомыслие и пообещала себе, что впредь не подпишет ни одной бумажки, пока не прочтет ее от начала до конца дважды. Нет, не дважды, а трижды! Четырежды! Увы, правильное поведение в будущем не может исправить ошибок прошлого.

Первым делом появилась идея сдать свою квартиру, самой снять где-нибудь комнату, а разницу отдавать на погашение кредита. Это если не спасало ситуацию, то, во всяком случае, существенно улучшало ее. Так казалось вначале, когда Катерина сравнивала цены по объявлениям. На деле выяснилось, что все не так уж и здорово. Относительно дешево сдавались комнаты в таких ужасных, как в смысле состояния, так и в смысле соседей, квартирах, куда войти-то было страшно или противно, не говоря уже о том, чтобы там жить. Берлоги какие-то, а не квартиры. Особенно запомнилась Катерине одна из таких берлог на улице Амундсена в Свиблове. Первый этаж панельной девятиэтажки, раскидистые деревья у дома дают вечную тень, отчего в квартире сыро и по стенам ползет зеленая плесень. Обои свисают живописными лохмотьями, паркетный пол где не сгнил, там выщерблен, а где не выщерблен, так изгажен чем-то склизко-липучим, потолок в пятнах копоты и потеков, двери носят следы многократного вышибания... И все это великолепие освещается тусклой желтизной единственной лампочки. Катерина с риелтором не успели дойти до сдававшейся комнаты. Их спугнула сизая одутловатая рожа, высунувшаяся из первой от двери комнаты.

– О, девки пришли!.. – обрадовалась рожа, дохнув на весь коридор ядреным перегарным духом.

Катерина бежала к остановке быстрее лани, а следом за ней топала толстуха риелтор, бормоча на ходу что-то насчет того, что хозяйка комнаты может сделать скидку. «Да ну их на фиг все скидки на свете!» – думала Катерина. А еще она подумала, что погорячилась, считая, будто хуже ее тетки соседства быть не может. Может, ой как может...

Опять же и с желающими снять Катеринину квартиру не все было ладно. В идеале (ох уж эти идеалы, придуманные только для того, чтобы портить людям жизнь!) Катерине представлялась девушка-студентка, интеллигентная, аккуратная, чистоplotная, некурящая. Не хотелось сдавать свою квартирку, тем более с новой мебелью, абы кому. Но, видимо, все интеллигентные студентки уже обзавелись съемным жильем, потому что на просмотры к Катерине риелторы приводили то громогласных поддатых теток, при первом взгляде на которых становилось понятно, что таких только впусти, потом не избавишься, то не вызывающих абсолютно никакого доверия небритых помятых мужиков... А если и попадался кто-то, не вызывающий антипатии и подозрений, так он, по закону подлости, оказывался не вполне платежеспособным: еще на

просмотре начинал канючить об отсрочке и заявлял, что плату за два месяца сразу отдать не в состоянии.

– Что вы хотите? – удивлялись риелторы. – Принца или академика? Очень им нужна ваша однушка у черта на куличках!

Некоторые выражались более резко. Риелторов можно было понять: топчешь ножки, водишь народ на просмотры, а хозяйка кочевряжится. Ну и ту цену, на которую рассчитывала Катерина, за ее квартиру никто не предлагал. В лучшем случае давали процентов на двадцать меньше.

Спустя месяц Катерина передумала, точнее, одумалась и прекратила просмотры. Хватит и того, что потеряла на них кучу денег, потому что половину вечеров то смотрела, то показывала. Лучше бы посвятила это время работе, нежели всей этой утомительной пустопорожней суете. Еще два месяца ей не было покоя от риелторов. Особенно настойчиво звонил коренастый черноглазый и золотозубый киргиз по имени Кылычбек. После того как Катерина в десятый раз объяснила, что не собирается ни снимать, ни сдавать жилье, Кылычбек признался, что на самом деле он названивает ей с иной целью, и пригласил на свидание. Кылычбеку было хорошо за сорок, он не относился к тому типу мужчин, которые имели шансы понравиться Катерине, и в то время ей было совсем не до романтики.

– Неправильная вы девушка, – сказал Кылычбек, услышав отказ. – Одинокая, бедная и гордая.

– Какая есть! – ответила Катерина и повесила трубку.

Долго потом еще фыркала, вспоминая эти слова, но со временем сама стала так говорить о себе: «Я – неправильная. Одинокая, бедная, но гордая». Вроде бы шутила, а на самом деле не очень. В сочетании одиночества, бедности и гордости и впрямь есть что-то неправильное. Чем гордиться-то?

Поступиться гордостью и еще кое-чем советовали некоторые из однокурсниц, зарабатывавшие на жизнь проституцией. Катерину удивляло, как с годами изменилось отношение к этому занятию. Когда она была маленькой, это занятие считалось не вполне достойным, а само слово «проститутка» – крайне оскорбительным. А сейчас девчонки говорили об этом так просто, будто речь шла о работе секретаршей или продавцом. Даже эвфемизмов вроде «эскорт» или «массаж» не употребляли. Так и говорили: «Давай к нам, в проститутки». Обещали по знакомству замолвить словечко перед мамками и обучить азам профессии.

– Чему тут учить? – простодушно удивилась Катерина, считавшая, что она уже все знает. Объяснений дослушать не смогла – стало противно.

– Ну и зря! – кривили губы доброжелательницы, уязвленные тем, что Катерина отвергла их предложения. – Где еще приличной девушке можно так хорошо заработать?

Отчасти спасла положение неожиданно свалившаяся на голову халтурка. Одна из преподавательниц порекомендовала Катерину хозяйке элитного детского клуба на Рублевке. Той хотелось расписать стены своего заведения сценами из сказок. Восемь комнат, коридор и холл Катерина оформила за пять дней, точнее, за пять суток. От сознания того, сколько она может заработать, следом за вторым дыханием открывалось третье, а за ним четвертое... Двенадцать-четырнадцать часов работы, три часа сна – примерно в таком режиме работала Катерина. Домой не уезжала, спала там же, на диванчике. Очень боялась накосячить, но заказчица осталась довольна всем: и работой, и сроком ее выполнения. В придачу к обещанной плате Катерина получила премию.

– Вижу, как вы устали, – сказала заказчица, передавая Катерине конверт с деньгами.

Катерина и в самом деле очень устала, можно сказать – вымоталась. Но не от работы, а от дум, нахлынувших на нее в детском клубе. Работа помогала хоть немного отвлечься. С определенных пор Катерина старалась избегать всего, что было связано с детьми, даже к оста-

новке ходила кружным путем, а не напрямик, чтобы не проходить мимо детских площадок, но от халтуры в детском клубе отказаться не могла. Ради денег пришлось переступить через себя.

Заработок вместе с премией ушел в ту же черную дыру, в которую уходили все деньги – на погашение кредита. Ближился Новый год. Вспомнив о том, как она была Снегурочкой, Катерина попыталась было тряхнуть стариной, пристроиться к какому-нибудь «бесснегурочному» Деду Морозу, но очень быстро выяснила, что спросом пользуются Деда Морозы, а не Снегурочки. Снегурочку подыскать проще, роль у нее сугубо вспомогательная, а в крайнем случае можно обойтись и без нее. На рынке новогодних развлечений Снегурочки были неходовым товаром.

Ситуация складывалась аховая, паршивая. Катерина понимала, что у нее есть два выхода: то ли бросать учебу и впрягаться в работу по полной, чтобы зарабатывать больше, то ли менять квартиру на худшую, с таким расчетом, чтобы разница в стоимости гасила кредит. «Худшую» означало комнату в коммуналке, чего Катерине, насмотревшейся на разные варианты, очень не хотелось, или же однушку где-нибудь не ближе Солнечногорска, чего тоже не хотелось – слишком уж далеко будет ездить в альма-матер. Если тратить больше двух часов на дорогу в один конец, то на подработки уже ни сил, ни времени не останется. На что тогда жить? На стипендию? Ха-ха-ха! Проживешь на нее, как же!

В одну из беспокойных ночей – теперь у Катерины все ночи были беспокойными, из-за тяжелых дум спала она урывками, часто просыпалась – Катерине приснилась тетка. Как будто бы та пришла к ней домой, в новую квартиру, встала на пороге, левую руку уперла в бок, а правую, сложив пальцы в кукиш, выставила вперед. Постояла так недолго, а потом криво усмехнулась – ну что, непутевая племянница, вкусила самостоятельности? – и не ушла, а растаяла в воздухе.

Как бы тяжело ни приходилось Катерине, у нее не возникало мысли о том, чтобы обратиться за помощью к тетке – занять у той денег или, скажем, попроситься пожить на некоторое время, пока она будет сдавать свою квартиру. Тетка была навсегда (и заслуженно!) вычеркнута из жизни. Антипатия к ней была настолько сильной, что заблокировала воспоминания. Вспоминая маму или что-то из прошлого, Катерина не вспоминала о тетке, словно той никогда и не было. Психологи считают, что неприятные воспоминания не стоит загонять внутрь, что их надо осмысливать, переживать заново, обсуждать со своим психоаналитиком или с кем-то из близких, а затем «отпускать». Они правы, но воспоминание воспоминанию рознь. Есть такие воспоминания, которые не успеешь осмыслить, потому что полезешь в петлю или выпрыгнешь из окна. Такие воспоминания лучше зарыть поглубже, спрятать на самых задворках бессознательного. Пусть себе полежат до поры до времени, пока душевные раны не зарубцуются настолько, чтобы можно было позволить себе пережить **это** заново. Но в голове у Катерины произошел какой-то сбой. Она прекрасно помнила (едва ли не каждую минуту вспоминала!) о том, что произошло, но почти совсем забыла о том, что у нее когда-то была тетка. Почти совсем, потому что если бы забыла совсем, то тетка бы ей не приснилась.

Забвение спасительно. Лучше забыть то, что нельзя исправить, что невозможно искупить. Катерине в пору было завидовать тем, кто потерял память. Иногда она так и делала, думала о том, как хорошо бы было, к примеру, упасть, удариться головой обо что-нибудь и забыть напрочь всю свою прежнюю жизнь. Думала – и тут же ужасалась. Все?! Забыть все?! Значит, и маму тоже забыть?! И живопись свою любимую?! Нет! Так нельзя! Лучше остаться собой! Пусть даже и с тяжелым грузом на сердце...

6. Блог Кати Ютровской, 21 апреля 2002 года

Дневникам положено доверять сокровенные тайны. У меня нет сокровенных тайн, такая вот незадача, но зато у меня есть сокровенный сон. Сон про Сад спящих мотыльков.

Это очень таинственный сон. Я видела его много раз. Это единственный из снов, который снится мне снова и снова. Но, несмотря на повторения, я так до сих пор и не смогла разобраться, какой он, этот сон, – страшный или нет? Он началниться мне после того, как не стало мамы, но с мамой он никак не связан.

С одной стороны, не столько страшный, сколько непонятный. Непонятное, конечно, пугает, но никакой угрозы я во сне не ощущаю. Какую угрозу могут представлять бабочки, тем более – спящие?

С другой стороны, когда просыпаюсь, сердце колотится как бешеное и внутри свербит что-то такое, неприятное. Опять не смогла, опять не успела...

Впрочем, расскажу по порядку.

Это черно-белый сон, вернее – серый. Все вокруг серое, но иногда сквозь эту серость проступают оттенки красного, зеленого и синего. Ничего удивительного, ведь серый цвет получается при смешении этих цветов. Удивительно то, как они проступают: мерцают, пульсируют, как будто хотят пробиться на поверхность и не могут. Не скажу, что это мерцание выглядит зловещим, но приятным его тоже назвать нельзя.

Сначала я долго иду по извилистой тропинке, которая то поднимается в гору, то бежит вниз. Я тороплюсь, мне очень важно успеть, а идти далеко. Вокруг меня все размыто – молочно-серый туман. Я вижу только тропинку. Она широкая, гладкая, идти по ней удобно, подъемы и спуски небольшие, пологие. Я иду, иду и, наконец, дохожу до красивой кованой ограды – веточки, листочки, загогулины. Словом – красота. Я очень люблю рассматривать эту ограду, но на ходу – неудобно, а останавливаться не стоит, потому что времени у меня мало. Я знаю, что должна успеть и что, дойдя до ограды, я должна свернуть вправо.

Стоит мне добраться до нее, как окружающий меня туман куда-то исчезает, пространство раздвигается и я вижу за оградой большой сад, а над головой небо, безоблачное, но тоже серое. Деревья в саду разные: высокие и низкие, толстые и тонкие, ветвистые и не очень, но ни на одном нет листьев. Вместо них на ветвях сидят мотыльки, небольшие такие бабочки. Их очень много, столько же, сколько должно быть листьев, если не больше. Мотыльки разные, есть поменьше, есть покрупнее, но все они небольшие. Каких-нибудь тропических бабочек я в своем сне не видела. Мотыльки спят, сложив свои крылышки. Крылышки подрагивают – значит, мотыльки живые. Я знаю, что должна разбудить мотыльков. Они расправят крылышки, взлетят, и весь мир, то есть весь мой сон, станет цветным.

Разбудить мотыльков непросто. Я не знаю, как я должна это сделать – закричать, свистнуть, хлопнуть в ладоши, но знаю, что сначала мне надо обойти весь сад. Это очень важно – обойти весь сад, пройти мимо каждого дерева, скользнуть взглядом по всем мотылькам. Иначе мотыльки не проснутся.

Иногда мне кажется (во сне), что я попала в картину, которую нарисовал неумелый художник. Он попросил меня ее подправить, и вот я хожу и смотрю, что и как тут можно сделать. Эта мысль быстро мелькает в моей голове. Я думаю только о том, что должна успеть обойти весь сад.

Сад большой, иду по тропинке, иду, а конца не видно. Мною овладевает беспокойство – вдруг я не успею разбудить мотыльков? Я невольно перехожу на бег... А как же иначе? Ведь мне поручили такое важное дело, и я должна оправдать доверие. Я по натуре очень ответственный человек, хотя по жизни раздолбайка – такой вот парадокс. То есть для себя, любимой, могу сто раз забыть что-то сделать, но, если кто-то попросит или поручит, сделаю все, как надо.

Переходить на бег нельзя, но во сне я постоянно об этом забываю. Как только я начинаю бежать, так сразу же просыпаюсь. Просыпаюсь и обещаю себе, что уж в следующий раз я непременно обойду весь парк и наконец разбужу этих мотыльков. Зачем? Да хотя бы для того, чтобы они перестали мне сниться! Это надоедает и немного расстраивает. Когда у меня что-то не получается, пусть даже и во сне, я всегда расстраиваюсь. Не люблю обломов.

Меня несколько раз посещала мысль о том, чтобы нарисовать сад из моего сна. Казалось, что нарисую – и избавлюсь от этого наваждения. Но стоило мне взять в руки карандаш (серое можно рисовать только карандашами и больше ничем), как я понимала, что ничего не помню. Помню словами, вот так, как сейчас рассказала, а глазами не помню. Не надо думать, будто я сошла с ума. Художники знают, что можно помнить глазами, это особый вид памяти, когда картина, именно картина запечатлевается в голове. Сад спящих мотыльков никак не хочет запечатлеваться. Создается впечатление, будто кто-то хочет передать мне какую-то информацию, только я никак не пойму – какую. Я должна что-то найти? Мне нужно куда-то пойти? Зачем? И кто хочет мне что-то сказать? Неужели мой отец? Нет, его я, наверное, почувствовала бы. Какое-то тепло почувствовала или еще что-то в этом роде.

Ау, дядюшка Фрейд! Что вы мне скажете?

7. Москва, декабрь 2003 года

Двадцать четвертого декабря в перерыве между лекциями к Катерине подошла однокурсница Анжелка Новак.

– Приходи к нам сегодня, – пригласила она. – Будем вместе праздновать Рождество.

Анжелка была полькой из Калининграда. Вместе со своей землячкой и соотечественницей Вероникой, учившейся в Плехановке, она снимала однокомнатную квартиру у метро «Сокол». Катерину из-за ее фамилии Анжелка считала своей, полькой, несмотря на то что Катерина объяснила, откуда у нее взялась польская фамилия. Двухлетний дед, не помнивший даже своего имени, получил фамилию от женщины, которая привела его в детский дом с Курского вокзала.

– У отца было два варианта, – шутила мама, – или Курским бы стал, или Ютровским.

Праздновали в узком кругу, втроем: Анжелка, Вероника и Катерина. Анжелка предпочитала шумным компаниям душевные разговоры, да и соседи у нее были такими вредными, что лишний раз чихнуть было боязно – как бы снова не пожаловались хозяйке. Ели запеченного карпа, запивали сладким красным вином (ничего так сочетание, Катерине понравилось) и разговаривали о жизни. Узнав о Катериной проблеме, Вероника посоветовала:

– Иди в официантки, там можно хорошо заработать. Зарплаты не очень, но чаевыми можно собирать много. Если, конечно, есть голова на плечах. И график удобный всегда подбросить можно, и на кухне подкормиться. Я три года с подносом бегала – знаю, что говорю.

В качестве официантки Катерина себя никогда не представляла. Она считала, что официанткам, чтобы прилично зарабатывать, нужно непременно обсчитывать клиентов, и еще думала, что к официанткам непременно кто-то пристаёт: или клиенты, или хозяева-начальники, а то и те, и другие. Так и объяснила, но Елена улыбнулась и сказала:

– С начальством, это как себя поставишь, а клиентов вообще опасаться нечего, если, конечно, не в борделе работаешь. Ну, максимум шлепнут по попе – не более того. Но в любой профессии есть свои издержки. Зато чаевые есть и на еду тратиться не надо. Я обычно ела только на работе, раз в день, плотно, как следует, а так яблочком или печеньем перекусывала. Попробуй, официантки всегда нужны. В пафосные места тебе соваться незачем, туда только по рекомендации берут. В сети вроде «Палки-едалки» тоже не ходи, там система жлобская – все чаевые за смену собираются в кучу, треть забирает администрация, вроде бы как для поваров и посудомоек, но на самом деле им мало что достается, а остальное делится поровну между всеми официантами. Социализм какой-то, колхоз! Я буду бегать туда-сюда и улыбаться, другая протопчется всю смену на месте с кислой мордой, а получим мы одинаково...

– Куда же мне идти? – спросила Катерина, увлекшись подсказанной идеей (утопающему же положено хвататься за любую соломинку).

– Обойди заведения рядом с домом, чтобы далеко не мотаться. В мелкие не устраивайся, там много не заработаешь, выбирай покрупнее, такие, что проводят банкеты. Банкеты – это о-ца-а-ца! – Вероника выразительно закатила глаза, покачала головой и пощелкала языком. – Хорошие деньги и еды на неделю можно домой унести...

– Обьедки собирать? – ужаснулась Катерина.

– Ну ты даешь! – от удивления Вероника всплеснула руками так широко, что чуть было не смахнула со стола подсвечник. – Мы что – свиньи? Знаешь, сколько после каждого банкета остается на кухне? Готовится ведь с запасом, а с собой забирают несъеденное далеко не все. И если ты с поварами дружишь... Да не смотри ты так, я имею в виду не секс, а обычные хорошие отношения! Так вот, если ты дружишь с поварами, то всегда можешь рассчитывать на унести домой что-то вкусное.

– Это так, – подтвердила Анжелка. – Пока Ника бегала с подносом, мы обе на еду почти не тратились.

– И на выпивку тоже не очень-то тратились, – добавила Вероника.

Анжелка кивнула, подтверждая и эти слова.

В Рождество, будь то католический или православный праздник, положено случаться чудесам. К тому же человеку не может бесконечно везти, рано или поздно будет сбой, но и бесконечно не везти тоже не может. Нет-нет, а пробьется сквозь тучи луч счастья.

На этот раз рождественское чудо запоздало на три дня. Или не запоздало, если считать его началом разговор с Вероникой. Подумав, а почему бы и не рискнуть, Катерина решила попробовать себя на новом поприще. Тем более что работа официанткой идеально сочеталась с учебой. В первой половине дня в заведениях общепита наплыв небольшой, если не считать бизнес-ланчей, но они зачастую устраиваются по принципу самообслуживания и сильно официантов не загружают. Основной поток клиентов идет вечером, а Катерина могла начинать работу уже в четыре часа дня. И работать до глубокой ночи, сколько надо будет. По субботам и воскресеньям можно выходить на полную смену. Субботние занятия в институте прогуливались легко, без последствий. В уме у Катерины засел примерно-усредненный расчет ее месячного заработка, набросанный Вероникой на вырванном из блокнота листочке. Листочек Катерина забыла у Анжелки, но цифры врезались ей в память намертво. Было чему врезаться.

Вероника предупредила, что искать работу «расфуфыренной» не следует. Скромная одежда, минимум косметики – самое то. Чтобы сразу было видно, что человек устраивается работать, а не попой вертеть. И еще она предупредила, что в первые недели работы всем новеньким устраивают проверки на честность. То пару сотенных купюр кинут в раздевалке, вроде как случайно обронили, то во время расчета больше денег дадут – вернет или смолчит? Ну насчет этого могла бы и не предупреждать, поскольку с честностью у Катерины всегда было в порядке. Она сроду не брала чужого и не собиралась начинать делать это даже в своей тяжелой ситуации. Саму мысль о работе официанткой отвергала только потому, что была уверена в том, что ей непременно придется обсчитывать клиентов.

Первый день Катерина присматривалась. Обходила заведения в своем районе, смотрела на публику, изучала официантов, пыталась оценить посещаемость. Время было предновогоднее, почти праздничное, поэтому в большинстве заведений было многолюдно. Те, в которых народу сидело мало, Катерина в свой список не заносила.

Обход получился очень тоскливым. Новый год на носу, праздничная иллюминация, веселые лица, набитые пакеты и большие коробки в руках, снег падает крупными пушистыми хлопьями, а праздничного настроения нет и в помине. И не только из-за банковской кабалы, в которую она так неосторожно влипла, но и по другим, более серьезным причинам. Но безденежье вкупе с мрачными перспективами, конечно же, усиливали тоску-печаль. Как минимум вдвое. Среди приподнятой предпраздничной атмосферы Катерина острее ощущала свою бедность, свое неприкаянное одиночество, свою ненужность. Ей тоже хотелось зайти в кафе, выпить чашку кофе, возможно, даже с ликером, съесть пирожное, устроить небольшой шопинг, долго выбирать подарок любимому человеку... Хотелось почувствовать себя беззаботной, юной, чуточку бесшабашной... Ах, неужели когда-то она была такой? Нет, то, наверное, была другая девушка. Похожая на нее и с таким же именем...

Вернувшись домой, Катерина переписала список заведений, показавшихся ей перспективными, расположив их по мере убывания этой самой перспективности. Потом немного порыдала, надо же было хоть как-то выплеснуть эмоции. По многолетней привычке она продолжала рыдать беззвучно, давясь собственным плачем, несмотря на то что жила одна и могла позволить себе делать это в полный голос. Потом долго стояла у распахнутого окна, дыша морозным воздухом, который сейчас не столько бодрил, сколько успокаивал. Потом легла спать и долго ворочалась с боку на бок в ожидании сна...

Первый блин просто обязан быть комом. В первом кафе из списка хозяин сказал Катерине, что у него семейное предприятие. Слава богу, семья большая, так что рук хватает. Во втором кафе Катерина наткнулась на то, как хозяйка (или, может, то была администратор?) разносила немолодую полную официантку за какую-то провинность. Насколько можно было догадаться – за разбитую посуду, потому что в потоке матерных слов время от времени слышалось: «Тарелок на вас, косоруких, не напасешься». Несмотря на то что Катерина выросла в заводском районе с его простецкими нравами, она не знала доброй половины эпитетов, которыми награждали понурившуюся официантку. Расширять границы познания в этой области совершенно не хотелось. Послушав гневный монолог несколько минут, Катерина вышла. На нее так никто и не обратил внимания – тоже показатель. С первого же взгляда неясно, кто она – клиент или кто-то еще.

В третьем по счету заведении, полуподвальном, не слишком большом, но называвшемся «рестораном», в ответ на вопрос, не нужны ли им официантки, Катерине сказали, что после Нового года заведение закрывается. Теперь здесь будет парикмахерская. В четвертом ее смутил похотливый взгляд хозяина, тот смотрел так, будто разделял глазами. В пятом заявили, что зарплату они не платят, рассчитывать стоит только на чаевые. Вероника предостерегала Катерину от подобного расклада: в таких местах ловить нечего – у жлобья ничего не заработаешь. В шестом заведении надо было выходить на смену с утра. В седьмом на официанток вешалось мытье посуды, а этого Катерине совсем не хотелось. Во-первых, мытьем посуды много не зарабатываешь, а во-вторых, художникам следует беречь руки. Не так рьяно, как музыкантам, но все же беречь. «Деревянными» руками ничего шедеврального не создать.

Катерина установила себе «норму» в десять заведений, но идти в восьмое по счету уже не было сил. Как потому, что оно находилось довольно далеко от седьмого, ведь обходила она не по кругу, а по перспективности, так и потому, что пропало настроение. После седьмого облома Катерина впала в уныние, а в подобном состоянии о поисках работы лучше забыть. Особенно, если работа в сфере обслуживания и связана с непосредственными контактами с клиентурой. Кому нужна унылая официантка?

«Ничего, – утешала себя Катерина, топя домой по вязкой жиже, в которую из-за потепления превратился вчерашний пушистый снег. – Ничего! Это только начало! Лиха беда начало. Доброе начало полдела откачало... Чего тут доброго? Да хотя бы то, что я немного освоилась». На самом деле она несколько не освоилась. Да и можно ли освоиться, обойдя семь заведений? Но Катерине очень хотелось считать так. Чтобы подбодрить себя. Чтобы думать, что день прошел не зря.

Утром настроение улучшилось, недаром же говорится, что утро вечера мудренее. Во время лекции по истории искусств, которую читала шепелявая доцент Румянцева (хоть слушай, хоть не слушай – все равно ничего не поймешь, но отсидеть надо), Катерина вдруг почувствовала, что сегодня у нее все получится, что она устроится на работу. А еще ей захотелось пропустить восьмое, девятое, десятое и одиннадцатое заведения в своем списке и начать с двенадцатого, расположенного наиболее удобно, на полпути между ее домом и станцией метро «Планерная». Кафе называлось «Крунк». Катерина еще подумала: какое странное название, язык сломать можно.

В «Крунке» начались чудеса. Стоило Катерине, обнадеженной объявлением «Требуется официантка» на входной двери (вчера еще его не было), подойти к барной стойке, как пожилой, толстый, лысый и усатый, похожий на сома бармен уставился на нее с таким видом, будто она была какой-то известной личностью. Вытаращил глаза, раскрыл рот и замер так на минуту-другую, а потом хлопнул короткопалой рукой по стойке и крикнул что-то гортанное, непонятное. На крик в зал вышла худенькая женщина в голубом фартуке поверх черного платья. Увидев Катерину, она всплеснула руками, сказала тоже что-то непонятное, достала из кармана фартука платок и принялась утирать глаза. Не понимая, что происходит, Катерина развернулась, чтобы

уйти, но бармен с неожиданным для его комплекции проворством выскочил из-за стойки, схватил ее за руку и усадил за стол. Почему-то его поведение не показалось Катерине бесцеремонным. Она послушно села, бармен уселся напротив нее, а женщина села сбоку. Отняв платок от влажных глаз, она переглянулась с барменом, сказала коротко очередное непонятное, бармен так же непонятно и коротко ответил, а потом перевел взгляд на Катерину и спросил:

– Ты кто, доченька?

От неожиданного вопроса и еще более неожиданного обращения Катерина опешила и ответила не сразу. Узнав, что она ищет работу, мужчина заулыбался, а женщина часто-часто закивала и сказала:

– Да-да, доченька, нам очень нужна официантка. Оставайся у нас, мы тебя не обидим.

От этих слов Катерина выпала в осадок. Иначе говоря, сильно удивилась и озадачилась. Имея кое-какой, пусть и не очень богатый опыт трудоустройства, она знала, что на любую работу, даже на такую паршивую, как раздача листовок на улице, берут после расспросов и предъявления паспорта. И нигде еще ей не приходилось слышать: «Оставайся у нас, мы тебя не обидим». Это же парадокс, сюрреализм какой-то! Работникам вообще не полагается обижаться на хозяев. Обиды – высшая привилегия, обижаться можно только сверху вниз, но никак не снизу вверх. Сначала Катерина подумала, что ее собеседники не в своем уме, но, приглядевшись, ничего, свидетельствующего в пользу этой версии, не обнаружила. Вели они себя, конечно, странновато, но адекватно и смотрели осмысленно, только вот глаза у обоих были влажными, непонятно отчего. А потом она догадалась, что случайно (это же надо иметь такое «счастье»!) угодила на съемки юмористической программы. Где-то здесь установлена скрытая камера. Катерина даже огляделась, но ничего не нашла. В зале было темновато, да еще и стены декорированы под старую кирпичную кладку. В такой не только камеру, пушку спрятать можно.

– Оставайся, – повторила женщина и ласково погладила Катерину по руке.

Рука у женщины была теплой, сухой и очень приятной, совсем как у мамы. От нахлынувших вдруг чувств на глаза Катерины навернулись слезы, и она разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Рыдала и думала, что если это были не съемки, то она своей несдержанностью сорвала намечившееся трудоустройство. Сейчас ей дадут традиционный стакан воды, универсальное успокаивающее средство, которое на самом деле несколько не успокаивает, а потом выставят. Кому нужна официантка-истеричка? Официантка-истеричка хороша только в кино, в главной роли в каком-нибудь заумном артхаусном фильме. «Вчера меня бросил Сильвио, а сегодня Игнасио, а эти бесчувственные люди за столиками жалуются, что я им вместо гаспачо принесла паэлью! Злые, бесчувственные скоты! Хнык-хнык!»

Но когда отняла от мокрого лица руки, то увидела, что ее не собираются ни успокаивать, ни выставлять прочь. Женщина тоже плакала, мелко подрагивая хрупкими плечами, а мужчина сокрушенно качал головой, шумно вздыхал и то и дело проводил рукой по лицу, смахивая слезы. Встретившись взглядом с Катериной, он поднялся, пошел к входу, запер дверь, перевернул висевшую на ней табличку с «открыто» на «закрыто», после чего тяжелой неторопливой походкой пересек зал и скрылся за стойкой. Проходя мимо Катерины, он сделал жест рукой – сиди, мол, я сейчас вернусь – и что-то сказал женщине. Не переставая плакать, та встала и тоже скрылась где-то на задворках кафе. Минуты через две она вернулась с подносом, уставленным тарелочками с разной снедью, среди которой Катерине бросилась в глаза высокая копна зелени. Следом за женщиной с корзинкой, полной хлеба, в одной руке и бутылкой вина в другой вернулся мужчина. Пока он открывал бутылку и разливал вино, женщина успела сходить на кухню еще дважды, и стол теперь буквально ломился от яств. Катерина ошарашенно наблюдала за происходящим, которое совершенно не было похоже на съемки юмористической передачи. Мысли путались, глаза разбегались, нос щекотали мясные, сырные, ореховые и еще бог знает какие ароматы. Катерина привыкла находить объяснение всему непонятному. Ничто так

сильно не внушает уверенности в завтрашнем дне, как рациональность бытия. Напрягши все умственные способности, она «догадалась», что у хозяев кафе (а перед ней явно были хозяева, муж и жена) сегодня какая-то памятная дата, в честь которой эти добрые, безусловно добрые люди решили накормить несчастную голодную девушку. То, что она была несчастной и голодной, было написано у Катерины на лице большими выпуклыми буквами, тут уж обольщаться не следовало. А кто не будет голодной при таком рационе, как у нее – на завтрак хлеб с кефиром, на обед кефир с хлебом, а на ужин несколько пряников с чаем. Пряники Катерина предпочитала всем остальным кондитерским изделиям, потому что они были сытными, а стоили недорого. Сегодня же, в порыве трудоустройства, она решила не заходить домой после института для того, чтобы пообедать. Вроде и есть не хотелось, пока столько вкусной еды под носом не оказалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.